

Мой Телемак,
Троянская война
окончена. Кто победил — не помню.

Иосиф Бродский. ОДИССЕЙ ТЕЛЕМАКУ

Оглавление

<i>Часть первая. Дневник Чагина</i>	7
<i>Часть вторая. Операция «Биг-Бен»</i>	151
<i>Часть третья. Незабываемое</i>	237
<i>Часть четвертая. Лета и Эвноя</i>	325

Часть первая

ДНЕВНИК
Чагина

Когда-то Исидор Чагин был знаменит. Его удивительная память вызывала восхищение. Иногда — сомнение: не являлись ли опыты с его участием результатом тщательно подготовленной манипуляции? Не верилось, что человек способен запомнить текст любой сложности и хранить его в голове как угодно долго. Потом выдающегося мнемониста забыли — что звучит почти скандально. Многие свидетели его славы уже в могиле, а те, что живы, поглощены противостоянием неизбежному.

Недавний всплеск интереса к покойному связан с исчезновением его Дневника. В полицейском протоколе событие четко определено как кража со взломом. В ходе следствия мне («Вы были последним, кто работал с Дневником») пришлось ответить на множество вопросов, но выяснить судьбу рукописи не удалось.

ЧАГИН

Да, я был последним, кто работал с Дневником. Скажу больше: был также первым и единственным. Когда я объявил, что собираюсь написать о моей работе, кто-то сказал, что это мой долг. Потом еще кто-то: банальности произносятся многократно. Я не люблю слова *долг*. Оно представляется мне в виде скорбного отсчитывания купюр. Это не случай Чагина, и двигало мной не чувство долга. Какое-то другое, не столь могучее, чувство.

Изучая эту жизнь, необычную и по-своему трагическую, я стал смотреть на нее изнутри. Кое-что из Дневника я успел выписать, но в основном — запомнил. Всё это легло в основу моих заметок. Бумага — большое подспорье для памяти, потому что всякий, кто запоминает, имеет и свойство забывать. За исключением, может быть, Чагина, который ничего не забывал.

* * *

Исидор Чагин, архивист (1940–2018).

Табличку для могильного креста заказывал я. По-моему, достойный текст — информативно и лаконично. О покойном, понятное дело, можно было сказать и больше. Можно было и фотографию поместить. Некоторые так и делают, но в этом, я считаю, нет необходимости. Имя, фамилия, род занятий, годы жизни — вполне достаточно. Избыточность вредит.

Уход его прошел незамеченным, как то и подобает архивисту. Сам сотрудник архива, говорю это без тени иронии. Всякому роду занятий — своя жизнь

и своя смерть. Я бы тоже хотел умереть незаметно — уронив голову на какое-нибудь архивное дело, под включенной лампой с круглым зеленым абажуром...

После отпевания в Князь-Владимирском соборе (оно прошло в узком кругу) гроб привезли на кладбище. Гражданская панихида, вопреки обыкновению, проходила не в Архиве — там делали ремонт. Вместо изысканных архивных интерьеров с Чагиным прощались в кладбищенском ритуальном зале. Бетонные, пораженные грибком стены, потрескавшиеся плитки пола. Простуженный голос сотрудницы похоронной службы, бледной усталой женщины с носовым платком в кулаке.

Зачитывая некролог, она запнулась. Бросила взгляд в свою бумагу, потом на Исидора и не очень уверенно сказала, что руки покойного пахнут просоленными морскими канатами. Многие заулыбались, поскольку никаких канатов в жизни Исидора не было. Он, вообще говоря, казался ходячей скрепкой.

Позднее сотрудница, читавшая некролог, подошла к директору Архива и попросила извинить ее за недоразумение с канатами. Этот фрагмент попал в ее выступление из файла о моряке. В правильном тексте сообщалось, что руки Исидора пахли пылью веков. Директор добродушно похлопал ее по плечу. В конце концов, моряков в Петербурге не меньше, чем архивистов. Да и какая разница, чем пахли руки покойника? Кто там будет приниматься...

Когда выходили из ритуального зала, начался дождь. Крупные капли били по зонтикам и по крышке гроба. Распорядительница отметила, что по усоп-

ЧАГИН

шему плачет сама природа, но на это никто не отозвался. Всем было очевидно, что природа плакала по каким-то своим причинам. Из-за дождя гроб закапывали быстро, и мокрые лопаты могильщиков мелькали, как в ускоренной съемке. Через четверть часа все уже спешили к автобусу.

У ворот кладбища директор догнал меня и взял под руку.

— От Чагина нам достался солидный архив. Там много всего, но главное, говорят, Дневник. Учитывая особенности Исидора Пантелеевича, думаю, небезынтересный.

— Архив архивиста, — пробормотал я. — Архивесело.

— У вас, Мещерский, хорошее чувство юмора. Бесценное качество для архивного работника.

Сдержанно поклонившись, я было пропустил его вперед — догадывался, к чему он клонит. Но директор сжал мой локоть, и мы остановились прямо в воротах.

— Займетесь архивом Чагина?

Я не спешил с ответом, а директор меня не торопил. Он задумчиво рассматривал объявление на воротах. За нашими спинами толпились коллеги, но, несмотря на дождь, никто нас не обгонял. Что значит быть начальником...

— Расписание работы кладбища, — медленно прочел директор. — Я бы добавил: к сведению покойников.

Он обернулся ко мне:

— Ну что, займетесь?

— Трудно, Аскольд Романович, отказать в такой просьбе на кладбище, — ответил я.

Это был ответ, полный достоинства, поскольку согласие соединялось в нем с возможностью отказа. Пусть даже этой возможностью я и не воспользовался.

Директор вручил мне ключи от квартиры Чагина, чтобы предварительную работу с материалами я произвел на месте.

— Руки покойного пахнут пылью веков — в этом что-то есть, — директор засмеялся. — Проследите, чтобы на моих похоронах сказали именно так.

Я изобразил легкий ужас: разве директор может умереть?

* * *

На самом деле руки Исидора пахли дегтярным мылом. Все знали, что он моет их после каждого рукопожатия. Кроме того, от него пахло чесноком. Этот запах исходил не только изо рта Чагина, но выделялся каждой порой его кожи. Мылом и чесноком пожилой сотрудник защищал себя от вредоносных микроорганизмов. В конце концов, в зрелом возрасте каждый имеет право на причуды.

Чагин ушел на пенсию года два назад — по собственному желанию. Если бы он хотел, мог бы спокойно работать и дальше: его ценили. Но Исидор, очевидно, хотел другого. Может быть, отдыха. Или даже путешествий — умер он, как выяснилось, в Тотьме, маленьком северном городе.

В течение многих лет Чагин являлся на службу в одно и то же время и, как мне казалось, в одном и том же виде. Надо думать, одежду Чагин менял, но каждая смена повторяла предыдущую. В любое

ЧАГИН

время года он ходил в темно-сером костюме и такой же рубашке. Серым был и его галстук, который не сразу опознавался, потому что сливался с рубахой. Осенью и весной Чагин носил болоньевый плащ цвета мокрого асфальта, а зимой — темно-серое пальто с цигейковым воротником. Когда вышел роман «Пятьдесят оттенков серого», я подумал, что так могла бы называться и книга об Исидоре.

Замечу, что Чагин радовал не только глаз, но и ухо: он говорил скрипучим бесцветным голосом, довершавшим его особенный облик. Однажды я (мальчишка, нахал) сказал Исидору, что для полноты образа ему не хватает черного зонта, и он молча кивнул. Я подумал было, что он обиделся, но через несколько дней Чагин пришел именно с таким зонтом — и больше с ним не расставался. В погожие дни он использовал его в качестве трости.

Особый чагинский стиль я никогда не считал стилизацией, но сейчас, спустя годы, понимаю, что оттенков серого могло быть и поменьше. Увеличивая их количество, Исидор не только демонстрировал качества художника (они у него были), но и создавал вокруг себя оболочку — если угодно, зонтик, — которая защищала его от внешних воздействий. Чагин ценил свое одиночество и делал всё, чтобы оно не нарушалось.

Между тем Исидор не всегда был таким. Просматривая книги по истории архивного дела, мы, его сотрудники, время от времени натыкались на немислимые снимки. Молодой человек в белых широких штанах и светлой сетчатой тенниске. После каждого такого открытия под изумленный шепот

книга переходила из рук в руки: неужели это Исидор? Да, это был именно он — весь в белом, без запаха чеснока. Фотографии (за исключением разве что очень хороших) не передают запахов, но одежда, прическа, а главное — взгляд Исидора — такой запах исключали.

В другой журнальной публикации — фото Чагина в длинном кашемировом пальто. На шее — светлый шарф, свернувшийся двумя небрежными кольцами. Сходство шарфа с удавом так очевидно, что переводит фотографию в разряд экзотических. В еще большей степени это делает широкополая шляпа. Киплинг. Гумилев. Чагин.

Но самое удивительное в снимке — это прилипшая к углу Исидорова рта папироса. Исидор и папироса — о, боги... Появление папиросы объяснял помещенный на той же странице журнала причудливый текст. Исидор вспоминал фокус, который показывал в юности.

Затягивался. Задерживал дым. Говорил за двоих:

— Солдат, куришь?

— Курю.

— Трубка есть?

— Есть.

— Плюнь.

Плевал.

— Дунь.

Дул.

— Выпусти дым.

Только после этого выпускал весь дым — он, наш Исидор.

Наконец, все мы знали об удивительном мнемоническом даре Чагина. Старые журналы опи-

ЧАГИН

сывали, как наш коллега запоминал колонки в сотни цифр и воспроизводил их без единой ошибки. Как, ознакомившись с любым текстом, готов был повторить его сейчас же, и через месяц, и через пять лет.

Несколько раз мы просили его продемонстрировать свои способности, но Исидор отказывался — кроме одного раза, лет семь назад, когда я только начинал работать в Архиве. Да, мы как раз отмечали мое поступление на работу. И к нам неожиданно присоединился Чагин. Стояла ранняя весна, и в открытую форточку вливался сырой питерский воздух. Он не был еще теплым, но уже ощущалось в нем что-то незимнее, пьянящее.

Возможно, этот воздух опьянил и Исидора — настолько, что он даже произнес тост. Слов его я не помню — не думаю, что они были очень яркими. Когда все выпили, Чагин вдруг предложил дать ему любой текст для запоминания.

На одном из столов лежал статистический отчет по Смоленской губернии за 1912 год. Мнемонист предложил присутствующим выбрать страницу и знакомился с ней в течение тридцати секунд. Потом передал книгу соседу по столу — и повторил всю смоленскую статистику. Последнее слово переносилось на следующую страницу, и в исполнении Исидора прозвучал лишь первый его слог.

В наступившей тишине было слышно, как от порывов ветра на столах трепетали бумаги. Трепетали и молодые коллеги Чагина, ничего подобного не видевшие. Слабо пахло дегтярным мылом, и для всех это был запах тайны. Вскоре Исидор попрощался и ушел. Больше подобные эксперименты не

повторялись, да иначе и быть не могло, потому что тайна не должна становиться повседневностью.

Однажды я услышал, что свой удивительный дар Исидор в конце жизни потерял. И тогда мне вспомнилось, что уже тем весенним вечером перед лицом смоленской статистики он обнаружил некоторую неуверенность. В памяти это осталось только потому, что за моей спиной кто-то прошептал, что Акела промахнулся. Да, Чагин действительно допустил ошибку. Говорю *я* (ха-ха!), который не способен запомнить даже трехзначного номера автобуса.

* * *

Через день после похорон я сидел в Исидоровой квартире на Пушкинской улице. Мансарда в бывшем доходном доме. Я в гостях у Исидора — возможно ли это? Оказалось, возможно. После его смерти.

В комнате Чагина стеллажи занимали три стены из четырех. Четвертая, внешняя — это, собственно, полстены: на уровне груди она переходила в скошенный потолок с врезанным в него окном. На стеллажах стояли книги и коробки, преимущественно из-под обуви фабрики «Скороход». Сама комната тоже напоминала коробку — такая же маленькая и невыразительная.

Прихожей не было: входная дверь одновременно служила дверью в комнату. Справа от входа была еще одна дверь. Казалась вырубленной среди стеллажей. Вела к крошечным туалету и ванной. Кухня тоже отсутствовала. Ее (по мере возможности) представляла двухконфорочная электроплитка

на высокой табуретке с прильнувшим к ней обеденным столом. Который служил одновременно и письменным. Несколько тарелок разных мастей и чашка держались на нем маленькой пестрой группой. Еще одна большая чашка с отбитой ручкой стояла особняком: в ней помещались ложки, вилки и нож.

Железная кровать. Я приподнял матрас, под ним — панцирная сетка. Легкое разочарование: хотелось чего-то другого. Гвоздей, допустим — как и положено аскету. Подошел к окну: ограниченный вид на Пушкинскую улицу. Проржавевший водосточный желоб закрывал половину проезжей части, зато полностью был виден Пушкин. Первый в городе памятник Пушкину. Маленький, но первый: всё начинается с малого. Представив себя Исидором, навалился грудью на подоконник, коленями почувствовал горячий чугун батареи.

Да, именно так он здесь и стоял — Исидор, светило архивного дела. Приветствовал солнце русской поэзии. Смотрел, как по дну водосточного желоба, желтого от листьев, бежит вода. Нащупывал коленями рёбра батареи. Есть на коленях точки, на которые приятно нажимать. Которые приятно обжигать. Расположены на внешних сторонах коленных суставов, отзывчивы к жару и жесткости.

Отчего-то мне кажется, что эти точки целебны, что, воздействуя на них с разной силой, можно вылечить любой орган. Ну, почти любой, уж такие это точки. Нужно будет, думалось, посвятить им публикацию. Назвать их точками Мещерского, сколотить состояние и уйти из Архива навсегда.

Стыжусь нахлынувших мечтаний. Это было бы предательством по отношению к Исидору и его ко-

робкам — даже если учесть, что точки Мещерского изменят жизнь многих. Ладно, пусть потерпят. Пусть, я считаю, прочувствуют, каково им было без этих точек.

Открыл первую попавшуюся коробку: фотографии. Исидор на фоне Клодтовых коней — чуть ссутулившись, в руке потертый портфель.

Представил себе Исидора укрощающим коня. Портфель аккуратно положен сбоку, узловатые пальцы сомкнулись на узде. Ноги широко расставлены, голова запрокинута. Мимо проезжают «Москвичи» да «Волги», на заднем фоне, у дворца Белосельских-Белозерских — бочка с квасом...

Нет, без портфеля — это не Исидор. Одной рукой сжимает узду, а в другой все-таки держит портфель. Пусть на его могиле поставят такой памятник. Ленинградский архивист, укрощающий природные стихии.

Снимки на незнакомых улицах. В белых рамках (накладывали стеклянные прямоугольники) всюду написано: «Иркутск».

Исидор со связкой шаров на демонстрации. Первомайской, должно быть: все одеты легко, хотя и в фуражках — по моде того времени. Маленький Исидор тоже в фуражке. В том, что это май, нет никаких сомнений: на деревьях клейкие листочки. Даже сквозь черно-белую фотографию проступает их яркая зелень. Воздух полон света. И свеж — это очевидно. Мать держит Исидора за руку. Ни на одной из его детских фотографий я не увидел отца.

Коробка «Документы». Справки из иркутской детской поликлиники. Похвальные грамоты за каждый класс. Наш Исидор, похоже, ничего не выбра-